Организация Объединенных Наций A/C.6/55/SR.14

Генеральная Ассамблея

Пятьдесят пятая сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
11 December 2000
Russian
Original: English

Шестой комитет

Краткий отчет о 14-м заседании,
состоявшемся в Центральных учреждениях, Нью-Йорк, в понедельник, 23 октября 2000 года, в 10 ч. 00 м.

Председатель: г-н Полити ..... (Италия)

Содержание

Пункт 159 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят второй сессии

В настоящий отчет могут вноситься поправки. Поправки должны направляться за подписью одного из членов соответствующей делегации *в течение одной недели после даты издания* на имя начальника Секции редактирования официальных отчетов, комната DC2-750 (Chief, Official Records Editing Section, room DC2-750, 2 United Nations Plaza).

Поправки будут изданы после окончания сессии в отдельном для каждого комитета документе, содержащем только исправления.

00-70272 (R)
0070272

Заседание открывается в 10 ч. 10 м.

Пункт 159 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят второй сессии (A/55/10)

1. **Председатель**, отмечая исключительно важный вклад, который Комиссия вносит в развитие и кодификацию международного права, говорит, что ее последняя сессия была весьма продуктивной и позволила добиться существенного прогресса по ряду тем. Он предлагает рассматривать доклад Комиссии (A/55/10) на основе тематического подхода, начиная с темы ответственности государств, которой посвящена глава IV. После этого Комитет перейдет к рассмотрению глав V и VI, посвященных дипломатической защите и односторонним актам государств, и в заключение рассмотрит главы VII, VIII и IX, посвященные оговоркам к международным договорам, международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом (предотвращение трансграничного ущерба от опасных видов деятельности) и другим решениям и выводам Комиссии.

2. **Г-н Ямада** (Председатель Комиссии международного права) говорит, что в первых трех главах Комиссия стремилась отразить членский состав и внутреннюю организацию своей работы, представить краткое резюме работы Комиссии на ее пятьдесят второй сессии и, по просьбе Шестого комитета, уделить особое внимание вопросам, связанным с основными главами доклада, изложение мнений правительств по которым представляло бы особый интерес для Комиссии. Он начинает представлять доклад с первой основной главы, которой является глава IV об ответственности государств.

3. Комиссия рассмотрела третий доклад Специального докладчика по теме «Ответственность государств». Ход обсуждения в рамках Комиссии отражен в пунктах 47–405 ее доклада, однако отчет об этом обсуждении в определенной степени утратил актуальность, поскольку в своей последующей работе Редакционный комитет учел мнения, высказанные на пленарной сессии. Редакционный комитет в предварительном порядке принял во втором чтении проекты статей, содержащиеся в добавлении к главе IV. По этим проектам статей Комиссия решила запросить комментарии правительств, хотя она еще не приняла их в окончательном виде и не сопроводила их пересмотренным комментарием.

4. Приняв это решение, Комиссия отошла от своей обычной практики в связи с необычными обстоятельствами, с которыми была связана ее работа по теме «Ответственность государств», которая продолжается с 1955 года. Принятие Комиссией проектов статей в предварительном порядке в первом чтении происходило на протяжении двух с лишним десятилетий — с 1973 года по 1996 год. Поэтому в связи со значительными изменениями, происшедшими за это время в правовых концепциях ответственности государств, было бы целесообразно на нынешнем этапе получить комментарии правительств — либо в контексте обсуждения в Комитете, либо, что предпочтительнее, в письменном виде — в отношении всего текста проектов статей, принятых Редакционным комитетом в предварительном порядке, и особенно по всем аспектам, которые могут потребовать дополнительного рассмотрения до завершения второго чтения в 2001 году. С учетом этой задачи доклад Редакционного комитета (A/CN.4/SR.2662), в котором содержатся полный текст проектов статей и вступительное заявление Председателя Комитета, 21 августа 2000 года был препровожден правительствам. Письменные комментарии должны быть представлены в Секретариат до 31 января 2001 года.

5. Имеющиеся 59 проектов статей были разделены на четыре части. В Части первой, озаглавленной «Международно-противоправное деяние государства», содержатся статьи 1–27, охватывающие такие вопросы, как соответствующие общие принципы, деяние государства согласно международному праву, нарушение международного обязательства, ответственность государства в связи с деянием другого государства и обстоятельства, исключающие противоправность деяния. Часть вторая, принятая в первом чтении, была разделена на две половины. Это было сделано для отделения друг от друга положений, касающихся содержания ответственности, от положений, имеющих отношение к ссылке на ответственность, на том основании, что вследствие применения права в результате совершения международно-

противоправного деяния могут возникать вторичные последствия, которые можно уменьшить. В первой половине Части второй, озаглавленной «Содержание международной ответственности государства», содержатся проекты статей 28-42, посвященные соответствующим общим принципам, различным формам возмещения и серьезным нарушениям международных обязательств перед международным сообществом. Часть вторая бис была названа «Имплементация ответственности государств». В ней содержатся проекты статей 43–49, посвященные процедурным и существенным аспектам ссылки на ответственность другого государства, и проекты статей 50–55, посвященные условиям и ограничениям, связанным с принятием контрмер. Общие положения, касающиеся lex specialis и различных формулировок со словами «без ущерба для», содержатся в статьях 56–59 новой Части четвертой, озаглавленной «Общие положения».

6. Часть вторая посвящена пяти важным вопросам: общим принципам, относящимся к понятию ущерба, и необходимым причинно-следственным связям; сатисфакции и процентам в контексте различных форм возмещения; содержанию и последствиям серьезных нарушений существенных обязательств перед международным сообществом в целом; определению потерпевшего государства для целей проектов статей; и условиям и ограничениям, касающимся контрмер.

7. Поскольку в отношении разграничения понятий «ущерб» и «вред» согласия достигнуто не было, Редакционный комитет решил объединить в пункте 2 статьи 31 [42] в целях определения виды ущерба, дающие основание для требования возмещения и компенсации, и те виды ущерба, которые дают основание для требования сатисфакции. В этом же пункте устанавливается необходимость причинно-следственной связи между международно-противоправным деянием и ущербом посредством упоминания об «[ущербе] …, причиненном международно-противоправным деянием государства». Редакционный комитет также счел нецелесообразным включать в эту дефиницию прилагательное, которое определяло бы характер причинно-следственной связи, так как причинно-следственная связь обычно конкретизируется в первичных нормах и поскольку такая причинно-следственная зависимость не будет одинаковой для всех нарушений международных обязательств.

8. В основу формулировки статьи 38 [45] о сатисфакции было положено то понимание, что речь не идет об обычной форме возмещения и что сатисфакция не потребуется, если ущерб, причиненный международно-противоправным деянием государства, может быть в полной мере уравновешен путем возмещения или компенсации. Сатисфакция за ущерб, который невозможно оценить в денежном выражении и который для потерпевшего государства сводится к моральному урону, предоставляется в качестве возмещения в исключительных случаях и часто носит символический характер. Слова «иное надлежащее действие» в пункте 2 подчеркивают неисчерпывающий характер перечисленных форм сатисфакции и возможное значение нарушения при определении уместной формы сатисфакции. Ограничения в отношении сатисфакции, изложенные в пункте 3, предназначены для предупреждения необоснованных требований сатисфакции, несовместимых с принципом суверенного равенства государств.

9. Статья 39, посвященная процентам, была включена в проект по предложению ряда правительств. Проценты могут начисляться в определенных случаях в целях обеспечения полноценного возмещения. Выплата процентов не может совмещаться с выплатой за утраченную прибыль, если это приводит к удвоению размеров возмещения потерпевшему государству.

10. Глава III Части второй посвящена содержанию и последствиям серьезных нарушений обязательств перед международным сообществом в целом. Редакционный комитет решил опустить ссылку на «международное преступление», которая фигурировала в первом чтении и вызвала споры как в Комиссии, так и между правительствами. Согласия в отношении того, оправданно ли проводить разграничение между двумя типами нарушений международных обязательств, достигнуто не было. В статье 41 изложены три условия, применимые в отношении таких нарушений, а в пункте 2 «серьезное» нарушение определяется как нарушение, влекущее за собой явное и систематическое невыполнение обязательства несущим ответственность государством. Нарушение может также влечь за

собой риск причинения существенного вреда основным интересам международного сообщества в целом. В статье 42 [51, 53] говорится о последствиях таких серьезных нарушений. В пункте 1 был оставлен открытым вопрос о том, подлежат ли возмещению убытки, отражающие тяжесть нарушения, в дополнение к возмещению убытков, причитающемуся с несущего ответственность государства по статье 37 [44]. В отношении сотрудничества, которое требуется от других государств в соответствии с пунктом 2(c) для обеспечения прекращения нарушения, применено определение «по мере возможности», с тем чтобы учесть такие обстоятельства, как наличие юридических обязательств у определенных государств в соответствии с законом о нейтралитете, которые могут не позволить им обеспечить такое сотрудничество.

11. Обращаясь к понятию потерпевшего государства, о котором идет речь в статье 43 [40] и пункте 1 статьи 49, он поясняет, что определение, содержащееся в прошедшем первое чтение тексте, было слишком широким и отчасти непоследовательным. Оно позволило бы многим государствам объявлять себя потерпевшими и на этом основании требовать весь спектр возмещения, предусмотренный в статьях. Определение государства как потерпевшего в каждом конкретном случае зависит в некоторой степени от первичных норм и обстоятельств дела. В контексте вторичных норм представляется целесообразным проводить разграничение между более широкой категорией государств, имеющих право ссылаться на ответственность, и более узкой категорией государств, имеющих право требовать конкретного возмещения. Редакционный комитет решил отказаться от термина «государства, имеющие юридическую заинтересованность» и заменить термин «обязательства erga omnes» термином «обязательства перед международным сообществом в целом». Подпункт (a) посвящен нарушению обязательства в рамках двусторонних отношений, например в рамках двустороннего договора или многостороннего договора, создающего целый комплекс двусторонних отношений. В подпункте (b) речь идет об обязательствах перед группой государств или международным сообществом в целом. Слово «особо» подчеркивает неблагоприятные последствия противоправного деяния для потерпевшего государства, выделяя его из числа других пострадавших государств. В том же подпункте говорится об обязательствах в рамках многосторонних отношений, которые называются «интегральными» обязательствами, поскольку нарушение одного из них влияет на осуществление прав или выполнение обязательств всех государств, относящихся к данной группе. В подпункте (b) (i) статьи 43 и пункте (1) статьи 49 говорится о противоправных деяниях, затрагивающих различные категории государств различным образом. В статье 43 речь идет о потерпевшем государстве в отдельном качестве, тогда как в пункте 1 статьи 49 говорится о государстве, затронутом противоправным деянием в качестве члена группы государств, являющейся бенефициаром обязательства, либо в качестве члена международного сообщества.

12. Пятый из упомянутых им важных вопросов — вопрос о контрмерах — рассматривается в статье 23 [30] Части первой, а также в главе II Части второй бис. В соответствии со статьей 23 деяния, являющиеся контрмерой, всегда квалифицируются как противоправные, за исключением случаев, когда они на законных основаниях применяются сугубо в отношении несущего ответственность государства и не нацелены против третьих государств. Деяние, нацеленное против третьего государства, не подпадает под определение контрмеры и не может быть оправдано в качестве такового. Во-вторых, контрмеры могут предприниматься лишь в соответствии с условиями, установленными в статьях 50 [47] — 50 [48].

13. В главе II Части второй бис говорится об ограниченности целей контрмер и об условиях, при которых они могут применяться, а также о применимых к ним ограничениях. Статьи, принятые в первом чтении, носят противоречивый характер, поскольку они косвенно обязали бы в случае принятия контрмер разрешать споры, связанные с ответственностью государств, путем обязательного урегулирования. Поэтому Редакционный комитет разработал функциональную систему, содержащую условия и ограничения, которые предназначены для ограничения контрмер пределами общеприемлемых норм.

14. Статья 50 [47], в которой определяется ограниченная цель контрмер, служит условием применимости статьи 23 [30]. В пункте 1 цель

контрмер ограничивается побуждением несущего ответственность государства к выполнению его обязательств по Части второй. Соответственно, контрмеры не могут носить характер наказания. В ней также устанавливается первое условие принятия контрмер, каковым является невыполнение несущим ответственность государством своих обязательств по Части второй. В пункте 2 устанавливается временный и двусторонний характер контрмер посредством их ограничения «приостановлением выполнения» одного или нескольких международных обязательств потерпевшего государства «по отношению» к несущему ответственность государству. В пункте 3 предусматривается обратимость контрмер, которая обеспечивается посредством того, что в период приостановления действия договора государство не может принимать меры, которые нанесли бы ущерб возобновлению выполнения такого договора. Тем не менее контрмеры могут наносить необратимый побочный ущерб, не исключая возможность возобновления выполнения соответствующего обязательства. Формулировка «по возможности» в пункте 3 указывает на то, что если у потерпевшего государства есть выбор из числа возможных правомерных и эффективных контрмер, то оно должно выбирать те контрмеры, которые не препятствуют возобновлению выполнения «соответствующих обязательств».

15. В статье 51 [50] говорится об обязательствах, которые исключают принятие контрмер. В пункте 1 предусматривается, что контрмеры не влекут за собой никаких отступлений от обязательств, перечисленных в этой статье. В подпункте (a) говорится о запрещении применения силы, предусмотренном в Уставе Организации Объединенных Наций. Эта формулировка касается насильственных контрмер, тогда как экономические и политические меры принуждения затрагиваются в других положениях этой статьи, включая подпункт (b), в котором указывается, что контрмеры должны по существу оставаться вопросом двусторонних отношений между пострадавшим и несущим ответственность государствами и должны иметь лишь минимальные последствия для частных лиц, поскольку предусматривается, что «основные права человека» не должны нарушаться.

16. Подпункт (c) посвящен обязательствам гуманитарного характера, запрещающим репрессии, а подпункт (d) посвящен императивным нормам общего международного права. Наконец, в подпункте (e) говорится о неприкосновенности дипломатических и консульских агентов, помещений, архивов и документов, которая имеет существенно важное значение для нормальной практики международных отношений. Пункт 2 этой статьи посвящен применимым процедурам урегулирования спора, действующим между сторонами, и в нем подчеркивается важное значение соблюдения этих процедур в случае принятия контрмер. Кроме того, подразумевается, что сами механизмы урегулирования споров не могут служить основанием для контрмер.

17. В статье 52 [49] рассматривается принцип соразмерности, который в тексте, принятом в первом чтении, был применен к тяжести противоправного деяния и понесенного ущерба. Ввиду того, что целью контрмер является побуждение к выполнению обязательств, в пересмотренном тексте соразмерность увязана главным образом с понесенным ущербом «с учетом» двух дополнительных критериев — тяжести противоправного деяния и соответствующих прав. Отсюда следует, что соответствующие права означают права как потерпевшего государства, так и несущего ответственность государства. Кроме того, эта формулировка может распространяться и на права других государств, которые также могут быть затронуты. Слова «с учетом» не носят исчерпывающий характер; в зависимости от конкретных условий каждого случая другие факторы также могут иметь значение при определении соразмерности.

18. При подготовке статьи 53 [48] об условиях, связанных с применением контрмер, Редакционный комитет учел критические замечания по статье 48, принятой в первом чтении, увязав контрмеры с процедурами обязательного урегулирования споров. В пункте 1 говорится об обязательности уведомления, а в пункте 2 предусматривается, что если потерпевшее государство решило принять контрмеры, оно должно уведомить об этом несущее ответственность государство, а также «предложить» провести с ним переговоры. В пункте 3 речь идет о временных мерах защиты, о которых упоминается в

тексте, принятом в первом чтении, и которые в нынешней формулировке заменены словами «временные и безотлагательные контрмеры». На такие контрмеры не распространяются требования, изложенные в пункте 2, однако они должны приниматься с соблюдением требования уведомления потерпевшим государством о своей претензии в соответствии с пунктом 1 и подлежат тем же ограничениям, что и контрмеры. Пункт 4 предназначен для предупреждения контрмер в период проведения сторонами добросовестных переговоров, однако он не относится к контрмерам по смыслу пункта 3. Соответственно, потерпевшему государству не воспрещается принимать временные и безотлагательные контрмеры даже в период переговоров.

19. Пункт 5 посвящен ситуации, в которой противоправное деяние прекращено и спор представлен на рассмотрение суда или трибунала, компетентного выносить обязательные для сторон решения. Если эти условия соблюдены, потерпевшее государство не может принимать контрмеры, а если оно уже приняло их, оно должно приостановить их на разумный период времени. Этот пункт предполагает, что соответствующий суд или трибунал имеет юрисдикцию в отношении спора и полномочия распорядиться о принятии временных мер. Наконец, пункт 6 является общим положением, относящимся к обязанности добросовестно соблюдать процедуры урегулирования спора, согласованные самими сторонами.

20. Новая статья 54 посвящена вопросу о принятии контрмер государствами, помимо потерпевшего государства, которые имеют право ссылаться на ответственность в соответствии со статьей 49. Если потерпевшее государство по смыслу статьи 43 [40] отсутствует, необходимо проводить разграничение между нарушениями обязательств, затрагивающими несколько государств или международное сообщество в целом, с одной стороны, и серьезными нарушениями обязательств перед международным сообществом в целом, имеющими существенно важное значение для его защиты, как это определено в статье 41, с другой стороны. Только в случае последних нарушений контрмеры со стороны государств, не являющихся потерпевшими по смыслу статьи 43 [40], являются законными. В отношении всех других нарушений контрмеры со стороны государства, имеющего право ссылаться на ответственность по смыслу статьи 49, могут приниматься лишь в тех случаях, когда имеется потерпевшее государство.

21. Две описанные выше ситуации рассматриваются в пунктах 1 и 2 новой статьи 54. При наличии потерпевшего государства любое другое государство, перед которым имеется обязательство, имеет право принимать контрмеры при соблюдении определенных условий в соответствии с пунктом 1; во-первых, такие контрмеры должны приниматься по просьбе и от имени потерпевшего государства; и во-вторых, у самого этого государства должны быть права для принятия контрмер. В случае нарушений, подпадающих под определение, которое содержится в статье 41, любое государство может принимать контрмеры в интересах бенефициаров обязательства, нарушенного по смыслу пункта 2, независимо от того, имеется ли в наличии потерпевшее государство. Слова «в интересах бенефициаров» предназначены для того, чтобы охватить интересы любого потерпевшего государства, роль которого будет иной, чем предусмотрено в пункте 1, поскольку нарушенное обязательство затрагивает основные интересы международного сообщества в целом. Наконец, пункт 3 предусматривает, что государства имеют общую обязанность сотрудничать при принятии контрмер в целях обеспечения того, чтобы эти меры — как на индивидуальном уровне, так и коллективно — соответствовали изложенным в главе II Части два бис условиям принятия контрмер, включая условие соразмерности.

22. Статья 55 [48] посвящена прекращению контрмер и касается ситуации, в которой несущее ответственность государство выполнило свои обязанности по Части второй, в результате чего основания для продолжения контрмер отсутствуют, и они должны быть прекращены.

23. Резюмируя первую часть своего выступления по докладу Комиссии международного права (A/55/10), он вновь подчеркивает важное значение представления правительствами своих комментариев по проектам статей об ответственности государств, содержащимся в добавлении к главе IV, поскольку они дадут Комиссии возможность отразить их мнения при

окончательном редактировании текста на ее следующей сессии.

24. **Г–н Хоффман** (Южная Африка), выступая от имени Сообщества по вопросам развития стран юга Африки (САДК), выражает удовлетворение в связи с тем, что Комиссия уделяет столь значительное внимание проектам статей об ответственности государств, вопрос о которых входит в ее повестку дня вот уже 40 лет. Хотя в развитой правовой системе не должно быть места для контрмер, вопрос о них вызывает серьезную обеспокоенность, и в отсутствие центрального правоприменительного учреждения они представляются неизбежным злом. Поэтому в статьях 50–55 правомерно определяются ограничения в отношении контрмер, и он приветствует определения, содержащиеся в этой статье, благодаря которым контрмеры будут сведены к минимуму и применимы лишь в исключительных случаях.

25. Бывшая статья 19, в которой проводится разграничение между международными преступлениями и деликтами, всегда вызывала споры. Статьи 41, 42 и 54 отражают достигнутый по этому вопросу компромисс, поскольку в них специально не используется спорный термин «преступление», хотя по-прежнему признается, что некоторые особо серьезные противоправные деяния могут служить основанием для коллективных ответных мер. Соответственно, серьезное нарушение обязательства обусловливает для несущего ответственность государства необходимость возмещения убытков сообразно тяжести нарушения. В то же время другие государства обязаны не признавать законность любой ситуации, создавшейся в результате нарушения, и сотрудничать в обеспечении прекращения этого нарушения. Кроме того, любое государство может принять контрмеры в интересах бенефициаров нарушенного обязательства.

26. Он согласен с тем, что решение вопроса о включении раздела, посвященного урегулированию споров, будет зависеть от окончательной формы проектов статей. Такой раздел будет нужен, если проекты статей будут приняты в форме конвенции, что не произойдет, если будет поставлен вопрос об еще одном пересмотре текстов. Поэтому он настоятельно призывает Комиссию самым серьезным образом рассмотреть этот вопрос на своей следующей сессии, в ходе которой, следует надеяться, этот проект будет завершен, что позволит избежать любых дальнейших задержек, которые возникнут в связи с неизбежными изменениями в составе Комиссии после выборов ее членов в 2001 году.

27. **Г–н Вуд** (Соединенное Королевство) высказывает обеспокоенность в связи с недостаточностью взносов, предназначенных для того, чтобы молодые юристы могли принять участие в Семинаре по международному праву, и настоятельно призывает правительства последовать примеру правительства его страны и взять на себя оплату такого участия в целях расширения осведомленности о практике международного права и повышения интереса к нему. Что касается долгосрочной программы работы Комиссии, то он считает особенно важными предлагаемые новые темы с учетом потенциальной необходимости в уточнении правовых норм в тех областях, в которых могут возникать практические проблемы, например, ответственности международных организаций и последствий вооруженных конфликтов для договоров. В то же время в отношении предлагаемой в окончательном варианте темы рисков, обусловленных раздробленностью международного права, он полагает, что Комиссии следует заняться описанием и анализом уже обсужденных вопросов, связанных с фактическими и возможными коллизиями, вытекающими из разнообразия правовых режимов и структур, которые регламентируют конкретные ситуации, а не пытаться уже сейчас искать практические решения. Он считает целесообразным, чтобы Комиссия осмыслила этот вопрос до принятия решения в отношении упомянутой темы.

28. Комментируя в предварительном порядке проекты статей об ответственности государств, по которым его делегация представит свои мнения более подробно в письменном виде до конца января 2001 года, он приветствует упорядочение Части первой в отношении вопросов присвоения ответственности государству, определения нарушения международного обязательства и обстоятельств, исключающих противоправность деяния. Структура Части первой в настоящее время является более традиционной, и, кроме того, ясно, что международно-противоправные деяния государства образуют единую категорию. Тем не менее у него есть вопросы и серьезные сомнения в

отношении некоторых положений, содержащихся в частях второй и второй бис и касающихся, в частности, новой категории «серьезных нарушений» и определенных аспектов предлагаемого режима, регулирующего порядок принятия контрмер, которые представляют собой отход от существующих норм международного права.

29. Что касается первого из этих вопросов, то, как представляется, пересмотренные проекты предусматривают формирование специального режима на случай серьезных нарушений обязательств перед международным сообществом в целом, имеющих существенно важное значение для защиты его основных интересов. Его делегация испытывает сомнения в отношении как содержания, так и сферы охвата этой новой категории и последствий совершения государствами таких серьезных нарушений. Что касается содержания, то в тексте проекта статьи 41, как представляется, объединены две категории, которые явно являются различными — обязательства erga omnes и обязательства, вытекающие из императивных норм международного права, — что создает новую категорию «сверхнорм». Если при этом ставилась задача кодифицировать мнение Международного Суда по делу о компании «Барселона трэкшн», то это можно было бы сделать более простым путем. Разумеется, существуют определенные обязательства государств перед всеми государствами. Тем не менее используемое в настоящее время выражение «международное сообщество в целом» может создавать путаницу. Возможно, было бы целесообразно заменить его формулировкой «международное сообщество государств в целом» или — даже лучше — «все государства».

30. Общепринято, что все государства имеют право заявлять претензии в связи с нарушением обязательства перед всеми государствами. Это отражено в пункте 1(b) проекта статьи 49, в котором такое право справедливо не ограничивается серьезными нарушениями. Тем не менее его делегация сомневается в отношении трех последствий, конкретно указанных Комиссией по категории «серьезные нарушения». Первым предлагаемым последствием является возможность присуждения возмещения за убытки, отражающего «тяжесть нарушения». Если это относится к штрафным убыткам, то приходится сомневаться, предусмотрены ли такие убытки в международном праве. Если это так, то они, несомненно, могут взыскиваться в определенных случаях нарушения того или иного международного обязательства. Второе предлагаемое последствие касается обязательств, возникающих для третьих государств. Несомненно, перечисление таких обязательств в пункте 2 статьи 42 объясняется консультативным заключением Международного Суда по делу о Намибии. В то же время это дело было связано с юридическими последствиями для государств оккупации территории, причем эта оккупация была объявлена незаконной Советом Безопасности. Можно ли говорить о единой норме для всех целей — это другой вопрос. Одним из возможных способов обойти это затруднение было бы составить менее категоричную формулировку наподобие текста пункта 1 проекта статьи 42. Кроме того, обеспокоенность вызывает то, что включение таких последствий в отдельную главу, посвященную «серьезным нарушениям», как представляется, подразумевало бы, что они не будут относиться к любым другим нарушениям обязательств, какими бы ни были обстоятельства.

31. Самой трудной проблемой является вопрос о формулировке пункта 2 статьи 54, в соответствии с которой государству разрешается принимать контрмеры «в интересах бенефициаров нарушенного обязательства». Даже если принять, исходя из материалов дела о компании «Барселона трэкшн», ту посылку, что государства в целом имеют юридический интерес в контексте нарушений определенных обязательств, то из этого не обязательно следует, что все государства могут удовлетворять эти интересы таким же образом, как непосредственно пострадавшие государства. Предлагаемые формулировки могут серьезно дестабилизировать договорные отношения. Он сомневается в том, должно ли государство действительно иметь возможность нарушить любой из заключенных им договоров, включая, например, договоры технического характера, такие, как соглашения о почтовом обслуживании, в ответ на любое серьезное нарушение со стороны другого государства любых обязательств erga omnes. Следует также задаться вопросом о том, что произойдет, если наиболее непосредственно затронутое государство не желает, чтобы контрмеры

были приняты, и как в такой ситуации будет применяться принцип соразмерности.

32. Эта проблема является трудной, и очевидного ее решения не видится. Одной из возможностей было бы использование статьи, содержащей в той или иной форме оговорку. Глава III Части второй и пункт 2 проекта статьи 54 можно было бы заменить положением о том, что проекты статей принимаются без ущерба для любого режима, который может быть установлен на случай серьезных нарушений обязательств erga omnes. Такой подход не нанес бы ущерб структуре или целям проектов статей в целом.

33. Его делегация приветствует включение статьи (проект статьи 23), в которой принятие законных контрмер признается обстоятельством, исключающим противоправность деяния. Контрмеры играют важную роль в обеспечении соблюдения норм международного права, и их законность была признана международными трибуналами. Тем не менее некоторые положения, регламентирующие использование контрмер, которые предлагаются в главе II Части второй-бис, вызывают серьезную обеспокоенность, поскольку они представляют собой отход от существующих норм права. Например, действительно существуют обязательства, выполнение которых не может быть прекращено путем принятия контрмер. В то же время следует с вниманием отнестись к тому, как эта посылка отражена в проекте статьи 51, первая строка которой может ввести в заблуждение, поскольку в ней утверждается, что контрмеры не влекут за собой «никаких отступлений» от перечисленных обязательств.

34. Некоторые из соответствующих положений, например такие, как положения о защите основных прав человека, конкретно допускают отступления в определенных обстоятельствах. Более того, в некоторых случаях государства вносили оговорки, обеспечивающие сохранение права на принятие контрмер. Было бы предпочтительней указать, что контрмеры не должны влечь за собой нарушение тех обязательств государства, которые перечислены в проекте статьи. Действительно, Комиссии необходимо скрупулезно проанализировать этот перечень. Поскольку целью положений должно быть облегчение процесса урегулирования споров, а не его усложнение, следует избегать неопределенности и повторов.

35. Что касается условий, относящихся к использованию контрмер, которые изложены в пунктах 2-5 проекта статьи 53, то его делегация считает используемый подход ошибочным. Предполагаемая обязанность предлагать переговоры до принятия контрмер и приостанавливать принятие контрмер в процессе переговоров не отражает реалии общего международного права. Арбитражный суд для рассмотрения соглашения о воздушном сообщении между Францией и Соединенными Штатами высказал мнение, согласно которому на нынешнем этапе развития международных отношений представляется невозможным изложить норму, запрещающую использование контрмер в процессе переговоров. Это положение не изменилось. Кроме того, такая норма не была бы ни практически целесообразной, ни предпочтительной de lege ferenda (с точки зрения закона, издание которого желательно). Она вынуждала бы потерпевшее государство использовать единственный конкретный метод урегулирования спора; она могла бы входить в противоречие со статьей 33 Устава Организации Объединенных Наций; и она могла бы побуждать государства нарушить свои обязательства, с тем чтобы вынудить другое государство приступить к переговорам.

36. Кроме того, представляется затруднительным определить, можно ли вести переговоры, если, например, имел место геноцид. В пункте 3 этот вопрос не решается. Упомянутое в пункте 5(b) предполагаемое обязательство не принимать контрмер или приостанавливать их, если спор передан на арбитражное или судебное разбирательство, также является необоснованным. Кроме того, эта норма отсутствует в общем международном праве; она может препятствовать обращению к процедурам урегулирования спора через посредничество третьей стороны, и она не предусматривает возможность оспаривать юрисдикцию. Его делегация призывает Комиссию пересмотреть эти положения в целях учета существующих в этой области правовых норм.

37. Его делегация согласна с точкой зрения, по-видимому, разделяемой многими членами Комиссии, согласно которой не следует стремиться к принятию многосторонней конвенции на эту тему. Такая задача представляется нереалистичной и неуместной. Работа Комиссии имеет ценность сама

по себе; она уже внесла важный вклад в разработку правового режима ответственности государств, подготовив комплекс статей и комментариев. Международный Суд уже ссылался на работу Комиссии в этой области.

38. **Г-жа Сюэ Ханьцинь** (Китай) говорит, что ее делегация удовлетворена тем, что почти через 40 лет после начала работы над формулированием всеобъемлющего свода юридических норм, регулирующих ответственность государств, она приближается к завершению. Тем не менее некоторые вопросы все еще остаются. Вопрос о контрмерах на протяжении длительного времени был одним из самых спорных аспектов режима ответственности государств. Контрмеры являются законным средством, к которому может прибегать страна, пострадавшая в результате международно-противоправ-ного деяния, с тем чтобы возместить нанесенный ущерб и защитить свои интересы. Тем не менее, принимая во внимание прошлые и возможные будущие злоупотребления, признание за страной права принимать контрмеры должно сопровождаться соответствующими ограничениями их применения.

39. В своих комментариях по проектам статей 30, 47 и 48, принятых в первом чтении, ее делегация указывала на необходимость уточнения и совершенствования содержащихся в них положений. Некоторые улучшения действительно достигнуты. Например, двусмысленная ссылка на «временные меры защиты» была опущена, и к формулировке статьи 23 (бывшей статьи 30) были добавлены определяющие слова, а в других положениях были четко изложены цели и ограничения, касающиеся применения контрмер. Тем не менее существуют возможности для дальнейшего улучшения текстов.

40. Пока не решен вопрос о желательности недавно добавленного проекта статьи 54, посвященного контрмерам со стороны государств, помимо потерпевшего государства, а также смежного проекта статьи 49. Содержащиеся в них положения, несомненно, вносят в режим ответственности государств элементы, аналогичные «коллективным санкциям» или «коллективному вмешательству», что расширяет категорию стран, имеющих право прибегать к контрмерам и принимать так называемые «коллективные контрмеры». Тем не менее это противоречило бы основному принципу, согласно которому контрмеры должны и могут приниматься только страной, пострадавшей в результате международно-противоправного деяния. Еще более зловещим моментом является то, что «коллективные контрмеры» могут служить дополнительным поводом для проведения в жизнь в международных отношениях силовой политики. Реальность такова, что только сильные государства и блоки имеют возможности для принятия контрмер — обычно против более слабых государств.

41. Кроме того, концепция «коллективных контрмер» несовместима с принципом соразмерности, закрепленным в проекте статьи 52, поскольку такие контрмеры становились бы более жесткими в связи с присоединением к ним государств, не являющихся потерпевшими, и имели бы нежелательные последствия, которые могут значительно перевешивать масштабы ущерба. Проект статьи 54 еще больше осложняет и без того запутанный вопрос о контрмерах, вследствие чего наилучшим решением представляется исключить из текста проекты статьей 49 и 54. Наличие проекта статьи 56 не служит достаточной гарантией.

42. Еще одним спорным вопросом является вопрос о «преступлениях» государств. Попытка включить эту концепцию в международное право столкнется с непреодолимыми препятствиями на уровне как теории, так и практики. В международном сообществе, состоящем из суверенных государств, основным правовым принципом является принцип, согласно которому «равный не имеет власти над равным». Кроме того, в соответствии с римским уголовным правом «общество не может быть преступным». В то же время отрицание этой концепции ни в коей мере не привело бы к уменьшению индивидуальной юридической ответственности лица, совершившего международно-противоправное деяние. Именно поэтому ее делегация разделяет мнение, согласно которому положения, связанные с «преступлениями» государства и содержащиеся в проекте в первом чтении, должны быть изменены. В определенной степени эти предложения были учтены. В Части второй нового текста это понятие заменено формулировкой «серьезные нарушения существенных обязательств перед международным сообществом», и в ней проводится разграничение

между различными степенями тяжести нарушения. Ее делегация поддерживает эту дифференциацию.

43. Тем не менее необходимо уточнить еще два момента в связи с проектом статьи 42. Во-первых, с тем чтобы предупредить возможные споры, следует сформулировать определение «международного сообщества в целом». Во-вторых, с учетом важной роли Совета Безопасности в системе коллективной безопасности, используемой Организацией Объединенных Наций, необходимо решить вопрос о том, должны ли международные обязательства налагаться на государство автоматически или только на основании соответствующего решения Совета Безопасности.

44. Все девять статей, посвященные процедурам урегулирования споров, в тексте проектов, утвержденном в первом чтении, которые были избыточно подробными в определенных аспектах, были опущены. Ее делегация согласна с необходимостью изменить эти положения, поскольку согласно статье 33 Устава Организации Объединенных Наций стороны в споре могут прибегнуть к целому спектру средств мирного урегулирования, однако она выступает против полного устранения этих положений. Какие-то формулировки такого плана нужны. Следует надеяться, что Комиссия сможет вернуться к рассмотрению этого вопроса и представить пересмотренный текст в составе полного текста проектов статей для принятия во втором чтении.

45. **Г-н Манонги** (Объединенная Республика Танзания), поддерживая заявление представителя Южной Африки, сделанное от имени Сообщества по вопросам развития стран юга Африки, говорит, что он хотел бы выразить обеспокоенность своей делегации в связи с включением контрмер в режим ответственности государств. Тот факт, что Специальный докладчик сам признал наличие потенциала для нарушения равновесия в применении контрмер как инструмента обеспечения соблюдения обязательств или возмещения за понесенный ущерб, вызывает оптимизм. Действительно, он правильно привлек внимание Комиссии к тому факту, что государства, например Африки или Азии, редко прибегали к коллективным мерам, и указал, что это более характерно для западных государств. Поэтому неудивительно, что некоторые государства, не относящиеся к группе западных государств, считают, что проект текста прежде всего направлен на узаконение такой практики посредством подготовки юридических нормативных положений об ответственности государств на основе западной практики.

46. Едва ли можно спорить с тем утверждением, что контрмеры представляют собой угрозу для малых и слабых государств. Поэтому было бы неверно утверждать, что единственной их целью является обеспечение соблюдения своих обязательств государствами, совершившими противоправное деяние. Из комментария со всей очевидностью следует, что контрмеры могут иметь характер штрафных санкций, предназначенных для удовлетворения политических и экономических интересов государства, объявляющего себя потерпевшим. Таким образом, степень субъективности при применении контрмер должна вызывать озабоченность.

47. Едва ли можно рассматривать как утешение то, что, хотя Специальный докладчик не пожелал высказаться по вопросу о том, следует ли считать, с учетом практики государств, что общая оценка ряда государств в отношении наличия грубейших нарушений означает, что они действительно имеют место, Специальный докладчик, тем не менее, отмечает, что «государства, принимающие контрмеры, делают это на свой страх и риск и что вопрос об их оправданности в каждом конкретном случае должен решаться на основе объективной оценки». Предположительно, что объективная оценка может быть получена только с помощью юридических процедур, которые, как правило, инициируются исключительно предполагаемым нарушителем. Тем не менее связанные с этим издержки могут намного превышать непосредственные возможности некоторых предположительно ответственных государств, вследствие чего вопрос об оправданности и соразмерности контрмер вероятнее всего останется без ответа. В то же время, если ставится задача обеспечить правосудие, даже предполагаемый нарушитель должен иметь гарантии соблюдения процессуальных норм. В этом контексте его делегация с интересом ожидает предложений Комиссии по механизмам урегулирования споров.

48. Предлагаемый режим контрмер характеризуется серьезными недостатками. Противоправное деяние, совершенное государством, не может служить поводом для

оправдания мер потерпевшего или любого другого государства, которые, будучи первоначально законными, могут сами иметь далеко идущие последствия. Кроме того, не следует сбрасывать со счетов интересы третьих государств. Вызывает обеспокоенность, что в проектах статей было сформулировано положение о праве, возможные негативные последствия осуществления которого не были учтены в полной мере.

49. Было бы предпочтительно, чтобы Комиссия отказалась от поощрения контрмер путем их ограничения, вместо того, чтобы оставлять возможность их широкого применения и злоупотребления ими. Аналогичным образом, в целях уменьшения обеспокоенности малых государств Комиссии следует восстановить формулировку бывшего проекта статьи 50 о «запрещенных контрмерах», которая была подробной и четкой. Нет никаких убедительных доводов в пользу упразднения положения, запрещающего потерпевшему государству прибегать к «крайнему экономическому или политическому принуждению с целью поставить под угрозу территориальную целостность или политическую независимость государства, совершившего международно-противоправное деяние», поскольку эта формулировка широко используется в Генеральной Ассамблее и содержит принцип, имеющий важное значение для развивающихся государств. Этот принцип обеспечивает необходимое равновесие в рамках любого режима контрмер.

50. Что касается текста бывшего проекта статьи 19, то его делегация согласна, что, возможно, нет необходимости прямо ссылаться на понятие «международного преступления»; тем не менее существо этого проекта статьи по-прежнему имеет важное значение, вследствие чего нет никаких оснований для отказа от включения в проекты статей примеров серьезных нарушений, которые помогали бы уточнять характер международно-противоправ-ных деяний.

51. **Г-н Вестдикенберг** (Германия), ссылаясь на Главу III Части второй проектов статей, приветствует отказ от бывшей статьи 19. Поскольку в этой статье содержалась ссылка на «международные преступления», она стирала бы границу между ответственностью государств и индивидуальной ответственностью. Последний вид ответственности не охватывается проектами статей, о чем говорится в статье 58. Решения по индивидуальной уголовной ответственности вне всякого сомнения должны приниматься национальными судами, международными специальными трибуналами и будущим международным уголовным судом.

52. Кроме того, его делегация признает существование основополагающих норм международного права, нарушения которых являются столь тяжким деянием, что их последствия не ограничиваются интересами непосредственно потерпевшего государства. Предлагаемая Специальным докладчиком статья 41 представляет собой шаг в правильном направлении. Тем не менее его делегация считает необходимым уточнить определение с учетом особого характера нарушений обязательств erga omnes. Его делегация также разделяет выраженные сомнения в отношении возможного включения в проекты статей положения о штрафных убытках в контексте статьи 41.

53. Концепция обязательств erga omnes и их последствий для государств, не являющихся непосредственно потерпевшими государствами, обусловливает дополнительные проблемы. Косвенный характер ущерба необходимо принимать во внимание таким образом, чтобы сузить возможности выбора государства, понесшего косвенный ущерб, по сравнению с непосредственно потерпевшим государством. В целях разграничения между прямо и косвенно потерпевшими государствами необходимо согласовать пункт 1 статьи 41, пункт 1(b) статьи 49 и пункт 1 статьи 50.

54. Хотя в международном праве наблюдается тенденция в направлении усиления защиты индивидуальных прав, если понятие «интересы бенефициаров» предназначено для ограничения спектра возможных контрмер, то пункт 1 статьи 54 необходимо интерпретировать весьма осмотрительно. В соответствии с этой статьей бенефициарами нарушенных обязательств могут быть либо государства, либо негосударственные субъекты; соответственно, существует опасность того, что под видом контрмер могут приниматься несоразмерные односторонние акты, которые в действительности не оправданы интересами, на защиту которых они якобы нацелены. Это

поставило бы под сомнение обоснованность данной концепции.

55. Что касается соразмерности контрмер, то, насколько понимает его делегация, три изложенные в статье критерия не являются исчерпывающими. Кроме того, его делегация приветствует тот факт, что в статье 53 предусматриваются ограничения контрмер, поскольку в ней содержится положение о желательности предварительных переговоров между соответствующими государствами. Это относится также и ко временным мерам, упомянутым в пункте 3 статьи 53.

56. Кроме того, его правительство подтверждает свою убежденность в необходимости более четкого определения императивных норм международного права, обеспечивающих защиту основных гуманитарных ценностей. Статьи 21 и 23 следует интерпретировать в этом духе. Поэтому его делегация приветствует изменения в формулировке пункта 1 статьи 51, направленные на то, чтобы четко определить, что, во-первых, запрещение угрозы силой или ее применения, защита основных прав человека и обязательства, вытекающие из гуманитарного права, являются императивными нормами международного права и, что, во-вторых, этот перечень не является исчерпывающим.

57. Наконец, в отношении обязательства государства, совершившего противоправное деяние, предложить надлежащие заверения и гарантии того, что оно не повторится (статья 30(b), его делегация исходит из того понимания, что такое обязательство зависит от наличия опасности повторения, тяжести противоправного деяния и характера нарушенного обязательства.

58. Хотя его делегация разделяет мнение Соединенного Королевства, согласно которому проекты статей не должны приниматься в форме конвенции, она готова рассмотреть различные варианты.

59. **Г-н Ячи** (Япония) с удовлетворением отмечает, что новые проекты статей являются в целом более логичными и ясными, чем тексты, принятые в первом чтении. Международные обязательства подразделяются на три категории: двусторонние обязательства, независимо от их источника, многосторонние обязательства и обязательства перед международным сообществом в целом. Что касается ссылки на ответственность государства, то в проектах проводится разграничение между «потерпевшим государством» и «государством, помимо потерпевшего государства», которое заинтересовано в выполнении нарушенного обязательства. Соответственно, теперь ясно, что проекты статей предназначены для регулирования отношений между тремя сторонами, а именно государствами, несущими ответственность, потерпевшими государствами и государствами, помимо потерпевших государств.

60. В Часть вторую были внесены изменения в целях охвата обязательств государства, несущего ответственность. Добавлена новая Часть вторая-бис, в которой содержание ответственности четко отделяется от ссылки на ответственность. Выражая удовлетворение в связи с улучшением проектов статей в плане их ясности, он задается вопросом, не являются ли они слишком новаторскими. Его делегация понимает, что общей задачей проектов было отразить прогрессивное развитие международного права. Тем не менее для того чтобы правильно оценить изменения, нашедшие свое отражение в проектах статей, необходимо знать, в какой окончательной форме будет принят проект. Его делегация поддерживает наметившуюся в рамках Комиссии общую тенденцию в направлении придания проектам статей в окончательном варианте формы не имеющих обязательной силы руководящих принципов, которые государства смогут принимать с помощью соответствующего заявления. С точки зрения его делегации, проекты статей должны использоваться в двух целях: для информирования государства о его правах и обязанностях, если оно совершает международно-противоправное деяние или если другое государство нарушает свое обязательство в отношении первого государства, и, что более важно, в качестве общего стандарта, на который смогут ссылаться международные суды в случае возникновения международных споров. С учетом предполагаемых функций проектов статей его делегация полагает, что они не должны приниматься в качестве принципиально новых руководящих принципов, которые не отражают международно-правовую практику государств.

61. Его правительство всегда возражало против использования двусмысленного понятия «международное преступление», которое не

закрепилось в международном праве. Поэтому она приветствует исключение этого термина из проекта.

62. Тем не менее элементы этой концепции прослеживаются в тексте. В статье 41 создается новая категория — «серьезного нарушения государством обязательства, взятого перед международным сообществом в целом». Если обязательство подпадает под эту категорию, то его нарушение влечет за собой особые последствия в соответствии со статьей 42. Такие последствия для несущего ответственность государства могут включать в себя возмещение убытков с учетом тяжести нарушения. Каждое государство обязано воздерживаться от признания законности ситуации, создавшейся в связи с нарушением. А в соответствии с пунктом 2 статьи 54 любое государство может принять контрмеры «в интересах бенефициаров нарушенного обязательства», независимо от наличия или намерений потерпевшего государства.

63. Таким образом, серьезное нарушение — это лишь еще один термин, обозначающий «международное преступление». Основополагающим вопросом является то, существует ли определенная иерархия международных обязательств, и, если она существует, может ли применяться иной режим ответственности государств к более серьезным нарушениям, в отличие от того, который применяется к менее серьезным нарушениям. Хотя этот вопрос относится к обязательствам jus cogens и erga omnes, содержание этих понятий не было с достаточной точностью определено, равно как и не была установлена четкая взаимосвязь между ними и понятием серьезных нарушений. Таким образом, вероятно было бы слишком смело предположить, что нынешний уровень развития международного права дает возможность конкретно уточнить, какие обязательства подпадают под эту категорию.

64. С точки зрения структуры текста включение положения о серьезных нарушениях мотивировалось стремлением заложить основу для положения о последствиях. Иными словами, если последствия, предусмотренные в случае серьезных нарушений, не являются обязательными, то нет смысла и в разработке отдельной категории обязательств. Если внимательно рассмотреть вопрос о последствиях, упомянутых в статье 42, то можно указать, что обязательство не признавать законность ситуации, создавшейся в результате нарушения, не относится исключительно к серьезным нарушениям. Кстати, никакие международно-противоправные деяния не должны признаваться законными или пользоваться поддержкой. Кроме того, обязательство сотрудничать не ограничивается случаями серьезных нарушений.

65. Понятие «убытков, отражающих тяжесть нарушения», едва ли значительно отличается от понятия штрафных убытков, которое в международном праве не закрепилось. Была явно предпринята попытка уклониться от этой проблемы путем включения в пункт 1 статьи 42 слова «может». Тем не менее непонятно, кто будет определять, «может» ли определенное обязательство влечь за собой убытки, отражающие тяжесть нарушения.

66. Таким образом, особые последствия, предусмотренные в статье 42, которая дает основания для создания отдельной категории серьезных нарушений, не являются ни особыми, ни уместными. С точки зрения права консенсус в отношении того, какие обязательства подпадают под категорию, охватываемую в статье 41, отсутствует. Нет также согласия и в отношении того, могут ли в случае серьезных нарушений таких обязательств приниматься специальные меры, и если могут, то какие. Формирование таких обязательств и соответствующих им особых последствий является задачей, которую было бы уместно решать в контексте не общих, вторичных норм, а первичных норм. Его делегация полагает, что в статьях 41 и 42 не удалось успешно отойти от концепции «международного преступления», вследствие чего их следует исключить из проекта.

67. Проблема возникает также в связи с вопросом о принятии контрмер «государствами помимо потерпевших государств». Такое положение может быть уместным, поскольку благодаря ему противозаконные ситуации не будут оставаться неурегулированными в тех случаях, когда потерпевшее государство не имеет возможности самостоятельно принять контрмеры. Тем не менее опасность злоупотреблений может перевесить преимущества.

68. Его делегация также с обеспокоенностью отмечает процедурные требования в отношении

принятия контрмер в контексте статьи 53, в соответствии с которой потерпевшие государства обязаны предлагать переговоры государствам, несущим ответственность, и не могут принимать контрмеры в период добросовестного ведения переговоров. Поскольку несущее ответственность государство, вероятно, примет предложение провести переговоры, представляется весьма затруднительным для государства прибегнуть к практическим контрмерам. Соответственно, если государство вынуждено принимать контрмеры, оно может с легкостью прибегнуть к временным мерам, избегая необходимости принимать официальные контрмеры, вследствие чего официальные контрмеры превратятся в бессмысленную процедуру.

69. Поскольку цель контрмер определяется как побуждение несущего ответственность государства к соблюдению своих обязательств по Части второй, контрмеры в необходимых масштабах должны быть разрешены. Тем не менее в соответствии с проектом статьи 52 о соразмерности «контрмеры должны быть соразмерны понесенному ущербу с учетом степени тяжести международно-противоправного деяния и соответствующих прав». Его делегация обеспокоена тем, что этот критерий не обязательно соответствует цели контрмер. Он может не позволить принять такие контрмеры, которые были бы достаточно эффективными для обеспечения соблюдения, или может открыть путь для чрезмерных контрмер. Кроме того, элемент «тяжести» противоправного деяния представляет собой еще один отзвук концепции «международного преступления».

70. Наконец, что касается концепции ущерба, важно проводить разграничение между потерпевшим государством и заинтересованным государством, поскольку это разграничение определяет возможность для государства претендовать на возмещение. В новом тексте это разграничение проводится автоматически на основе категории нарушенных обязательств. В результате представляется затруднительным провести различие между коллективным обязательством, определяемым в статье 43, и обязательством, установленным для защиты коллективных интересов, о котором говорится в статье 49. Поскольку почти все многосторонние договоры порождают определенные коллективные интересы, вопрос состоит в том, возможно ли действительно проводить такое различие без использования понятия ущерба. Одной из причин, почему понятие ущерба было исключено, является то, что нарушение коллективного обязательства, определяемого в статье 43(b)(ii), едва ли можно обосновать традиционной концепцией ущерба. Еще одной причиной может быть то, что при разработке проекта прослеживалось упорное стремление к систематическому формированию права ответственности государств на основе типов нарушаемых обязательств. Тем не менее издержки и преимущества использования столь абстрактного теоретического подхода должны быть внимательно изучены. Непонятно, закрепилось ли понятие коллективного обязательства в международном праве до такой степени, чтобы можно было считать оправданным отказ от упоминания понятия ущерба. Разграничение между коллективным обязательством и обязательством, установленным для защиты коллективных интересов, следует уточнить в комментарии.

Заседание закрывается в 12 ч. 30 м.